

УДК 316.334.56

О.Н. Яницкий
Институт социологии ФНИСЦ РАН
Москва, Россия

МЕГАПОЛИСЫ: ОБОСОБЛЕНИЕ, ИЗОЛЯЦИЯ, ИНТЕГРАЦИЯ

В статье на основе анализа российского медиа-контента и собственных полевых исследований (1970-2010) анализируются процессы разделения, взаимной изоляции и интеграции в российских мегаполисах. Основными агентами этих трансформаций являются структуры власти, бизнеса, медиа, гражданские организации и собственно население города, каждый из которых действует в собственных интересах. Для властных структур мегаполисы являются их естественным местом обитания, для бизнес-структур – они тоже среда обитания и извлечения прибыли, для медиа – являются объектом манипуляции массовым сознанием жителей и пропаганды потребительского образа жизни. Рядовые жители города имеют слишком мало средств для формирования комфортной и безопасной среды их обитания. Структуры власти, бизнеса и медиа- наиболее богатые горожане, их жилища концентрируются в центральной (исторически уникальной) зоне города, тогда как рядовые граждане и мигранты постепенно переселяются на его периферию. Тем не менее, их взаимозависимость и размещение на ограниченном пространстве мегаполиса позволяет рассматривать его как противоречивую, но единую социобиотехническую систему (далее, СБТ-систему). Эта интеграция происходит вследствие метаболических процессов, осуществляющихся независимо от желаний его агентов. Сегодня только низовые инициативы и гражданские движения являются агентами, нацеленными на обозначенные выше цели: сделать мегаполис комфортабельным и безопасным для жизни всех.

Ключевые слова: глобализация, гуманистический поворот, изоляция, интеграция, медиа, мегаполис, темпо-ритмы, Россия.

Теория и методы исследования

Современный мегаполис – быстро развивающийся глобально-локальный организм, являющийся одним из ключевых элементов процессов материального и информационного производства и воспроизводства общества и его населения. Сегодня динамика мегаполиса все более подчиняется законам потребительского общества, ориентированного на непрерывный рост потребительских appetитов его населения, тогда как потребности и права беднейшей части его населения (стариков, вынужденных мигрантов, временно занятых) не учитываются.

Мегаполис – интегрированный организм, совокупность социобиотехнических систем (далее, СБТ-систем) разного масштаба,

Поэтому в нем нет отдельно общества и природы. Основными агентами динамики мегаполиса являются: *структуры власти, бизнеса, медиа, гражданские организации и собственно население города как субъект деятельности* и объект, подлежащий регулированию (Bauman, 2017; Sassen, 2000; Fijiugita, 2013 and many others).

В существующих теоретических концепциях функционирования мегаполиса не учитываются такие «агенты» его изменений как природные и техногенные катастрофы, национальные и глобальные геополитические конфликты и перманентные изменения диспозиции конкурирующих сил на мировой арене. Тем не менее, методологически необходимо разделять технологически-сконструированное управление, то есть как результат длительного процесса принятия решений, регулирование городской жизни *ad hoc* и регулирование городской жизни через гражданские активность и самоорганизацию его населения (Deelstra and Yanitsky, 1991; Boudreau and Davis, 2017; Willis, 2017; Яницкий, 2013).

У мегаполисов всегда есть две основные функции: обслуживания глобальных процессов и поддержания собственного организма в режиме «динамической устойчивости». Поэтому современные мегаполисы всегда находятся в состоянии непрерывного взаимодействия традиционного, индустриального и постиндустриального способов производства, и одновременно – в состоянии транзита от одного к другому. Это – особое состояние «между» получило название *interregnum*'а (Bauman, 2017).

Пространственно-временные отношения функционирования мегаполиса суть важнейшие характеристика среды обитания горожан, включая ее природные, социальные и технологические компоненты. Поэтому, различение темпо-ритмов функционирования отдельных (глобальных, собственно городских и локальных) подсистем мегаполиса и изучение их совокупного обратного воздействия на него, населяющих его жителей и окружающую среду теоретически и методологически

существенно. Познание темпо-ритмов воздействия конкретного мегаполиса или их системы на другие типы человеческих поселений и мир в целом не менее важно.

Типологически есть три режима функционирования мегаполисов: «нормальное», мобилизационное и критическое. Поэтому современный мегаполис всегда функционирует в «пограничном» режиме ответа на изменение внешних и внутренних вызовов. Но эти вызовы порождаются также самим процессом функционирования мегаполиса, в ходе которого происходит множество *метаболических трансформаций*, то есть процессов обмена, односторонней или взаимной трансформации, поглощения или взаимного уничтожения его агентов. Неизбежным спутником метаболических процессов является производство отходов материального и социального производства. Еще одно важное обстоятельство. Растущие потребности мегаполиса в ресурсах и энергии имеют свою теневую сторону: отходы производства и потребления.

Всякий мегаполис сочетает внешние и внутренние функции, то есть обслуживания агентов национального или глобального масштаба и поддержания собственной «динамической устойчивости», что является потенциальным источником напряжения и конфликтов. В мобилизационные и критические периоды эта напряженность, как правило, усиливается. Поскольку названные выше «агенты действия» преследуют разные цели и имеют разный вес в формировании городской политики, эта напряженность преодолевается тремя способами: административным давлением, а также посредством привлечения новых ресурсов или расширением территориальных границ города.

Борьба между разными агентами городской динамики приводит к периодическому изменению структурно-функциональной организации городской среды. С этой точки зрения, современный мегаполис есть борьба двух начал: структурной «статики» (его материальная основа) и

функциональной «динамики» (жизнедеятельность городских агентов, включая необходимые ей информацию, энергию и другие ресурсы). Объективной основой «статики» является созданная человеком материальная среда мегаполиса, а «динамики» – все созданные и направляемые природой и человеком структуры и процессы.

Методы: вторичный анализ теоретических источников, включая собственные разработки; простое и включенное наблюдение; вторичный анализ накопленного материала, включая собственный архив глубинных полу-структурированных интервью с членами гражданских инициатив (N=400) за 25 лет; анализ архивных документов и контента российских СМИ за 2017-18 гг.

Приоритеты системы власти-собственности и современный мегаполис

Главный приоритет – это сохранение своих господствующих позиций во всех сферах городской жизни посредством концентрации властных полномочий и капитала в своих руках. Поэтому мегаполис для них не только местопребывания, но и инструмент для усиления своих политических позиций во властвующей элите и бизнес сообществе, национальных и глобальных. Поэтому для системы власти-собственности важна «динамическая стабильность» мегаполиса, что достигается сочетанием государственного законодательства и множества местных правил, инструкций и ограничений, устанавливаемых по конкретному случаю.

Система власть-собственность стремится сделать жизнь города максимально управляемой «сверху-вниз». По той же причине эта система уделяет первоочередное внимание эффективности его функционирования, его благоустройству, прокладке все новых транспортных коммуникаций и его внешнему виду, тогда как проблемы отдельных групп населения решаются поскольку-постольку, в рамках тех же ситуативных решений

(например, в преддверии международных съездов, конференций или соревнований).

Действительно, управление таким сверхсложным организмом – весьма трудная задача, однако упор на «вертикальные» методы управления им в ущерб низовой самоорганизации сдерживает рост социального потенциала горожан, консервирует проблемные ситуации, порождая недоверие к органам управления городом и протестные настроения его жителей.

Наконец, собственно экологическая политика властей мегаполиса ограничивается соблюдением природоохранного законодательства, которое тоже регулируется ими, ликвидацией чрезвычайных ситуаций, контролем за потенциально опасными объектами и заботами за внешним обликом мегаполиса. Как показали массовые протестные акции населения прилежащих к городу территорий против полигонов ТБО вокруг Москвы, никакой продуманной стратегии городской экологической политики пока нет.

Роль телевидения

В современном обществе медиа, прежде всего центральное телевидение, являются мощным средством воздействия на социальные структуры и процессы города. Однако медиа прямо или косвенно зависят от системы власти-собственности. Поэтому, как отмечают западные социологи, масс-медиа не только воздействуют на общественное сознание, но они способны управлять сознанием и поведением масс людей посредством всего двух «ключей»: переключением своих каналов и перепрограммированием их контента (Arsenalt and Castells, 2008).

Представление, формируемое в обществе посредством СМИ, прежде всего через телевидение и прессу, о ключевых идеологических и структурно-функциональных проблемах глобального мира и нашего «переходного» общества, является мощным инструментом социально-психологического

воздействия на него. Тем более что, СМИ именно как средство массовой коммуникации рассчитано именно на *массовое общество*.

Однако, как уже было неоднократно показано, потребительски-ориентированное рыночное общество все более превращается в «индивидуализированное общество» (Бауман, 2003). В этом случае проблема «адресата» СМИ, то есть индивид или масса представляет несомненный интерес. У СМИ всегда двойная задача. С одной стороны, они должны способствовать продвижению государственного политического курса в массовое сознание, настраивать его на позитивный и деловой лад. С другой стороны, в СМИ работают классные аналитики и эксперты, считающие своим долгом критически анализировать глобальную ситуацию, действия бизнеса и властных структур и реакцию масс в ответ на внешние и внутренние вызовы.

Эта зависимость медиа от государственных и частных медиа-магнатов объясняет тот факт, что медиа скорее демобилизуют массовое сознание и поведение горожан, нежели направляют их на решение актуальных проблем мегаполисов. Более того, случайно или целенаправленно медиа создают *эффект коллажного (раздробленного) сознания*, который достигается несколькими способами: постоянными перебивками течения ТВ контента посредством рекламы, которая все более становится похожей на мини-фильмы (клипы), прерыванием вещания срочными новостями (breaking news), объявлениями, фильмами ужасов (блокбастеров) и другими способами.

Эта смесь интересного, скабрезного и ужасного контента, нужного и ненужного, а также возможность зрителя постоянно переключать кнопки программ разрушает целостность восприятия содержания передач зрителем, делает его невосприимчивым к реальным проблемам собственного города или района. Сознанию человека действительно нужно разнообразие информации. Однако когда это разнообразие избыточно, оно действует

угнетающе на психику человека, не менее чем склонность молодых людей к компьютерным играм, приводящим, в конечном счете, к болезни, которая называется игроманией.

Государственные СМИ предпочитают не говорить, за исключением указов Президента РФ, о проблемах и трудностях переходного периода «на цифру», а также – о проблемах, которые неизбежно возникают в связи с процессами старения населения, оттоком квалифицированных кадров за рубеж, с повышением пенсионного возраста. То есть о насущных проблемах нашего общества, которые надо решать в условиях международных санкций и наращивания гонки вооружений.

Телевидение также почти никогда не обращается к анализу городских проблем, протяженных во времени и пространстве (я здесь не рассматриваю информационные сообщения об очередном заседании некоторой комиссии в мэрии города или об открытии новой станции метро). СМИ охотятся за сенсациями, неважно в России или за рубежом. Поэтому для решения проблем мегалополисов, которые обычно имеют очень сложный, многосторонний и протяженный по времени характер ТВ оказывается бесполезным, а иногда и дезориентирующим, поскольку аналитика в его передачах присутствует в очень скромном виде, и она обязательно должна быть сенсационной или, по крайней мере, иметь характер детектива с неожиданным результатом.

В ТВ, как и во всяком социальном институте, есть своя «внутренняя жизнь». Люди, имеющие к ним доступ, используют их как средство увеличения их известности, повышение своей социальной (то есть медийной) значимости. Многие известные ведущие стали впоследствии видными политическими фигурами (членами Государственной Думы и др.), то есть ТВ выполняют также и роль социального лифта.

Телевидение обращает недостаточное внимание на роль массы граждан и науки в динамике нашего общества. Так, что жизнь **науки и ученых**

освещается в СМИ очень редко, причем как некоторый «пунктир» уникальных случаев открытий или озарений. В то время как жизнь **обычных людей** в тех же СМИ присутствует в форме детективов, сопровождающихся убийствами, изнасилованиями, похищением детей, семейными раздорами и драками. Число отечественных фильмов по ТВ с убийствами и погонями и без оных за три последних года наблюдения, по моим подсчетам, соотносится как 10 к 2, максимум как 10 к 3 (из подсчета я исключил сделанный по американским лекалам сериал «След», который почти на 100% наполнен случаями убийств и изнасилований). Обычные люди знают звезд спорта и шоу-бизнеса, но имен выдающихся русских писателей и ученых они не знают, отличить прикладную науку от производства фундаментального знания не могут. И это – не их вина, а вина идеологов государственных СМИ, создавших такой перекос.

Получившая в последние несколько лет *практика публичных теледебатов* на нескольких каналах российского ТВ до сих пор все же была ориентирована на обсуждение внешнеполитических проблем, лишь изредка (в периоды президентских и муниципальных выборов) обращалась к ключевым задачам грядущего переходного периода. К тому же, несмотря на стремление ведущих таких дебатов, придать им демократический характер, они часто срывались (с обеих сторон) в «обличительный» тон.

Но и в целом эта позитивная инициатива ТВ, не доходила (или не успевала доходить?) до анализа глубоких причин нашего отставания в таких ключевых сферах как рост благосостояния, развитие новых технологий и сохранение окружающей человека среды. Фактически это – не дискуссия, а некоторая совокупность мнений присутствующих (как правило, одних и тех же) по актуальным вопросам внешней и внутренней политики. Она затрагивает слишком большой круг вопросов, чтобы ее можно было назвать диалогом. Скорее, это политическое шоу для массового потребления, не требующее специальной подготовки. Кроме того, еще два обстоятельства

ограничивают круг ее «зрителей». Во-первых, и коренные горожане, и мигранты слишком заняты, чтобы смотреть эти шоу до конца. Во-вторых, горожане и в этом случае остаются всего лишь зрителями, а не полноправными участниками городских событий.

Значение прессы и ее виртуальных аналогов

Исключение составляет пресса, в которой периодически вскрываются и анализируются самые острые проблемы мегаполисов. В отличие от телевидения многие газеты склонны вести расследования постоянно возникающих городских проблем, аварий и катастроф, какими бы серьезными они ни были и какими бы высокопоставленными чиновниками или детками из числа «золотой молодежи» они не совершались. Как и сто и сто пятьдесят лет назад, криминальные репортеры в России существуют, и самые сложные преступления ими расследуются. Жанр криминальной (не постановочной, как в ТВ) журналистики продолжает существовать.

Острая экономическая и социальная проблематика мегаполисов обсуждается лишь в отдельных СМИ, таких как «Ведомости», «Новая Газета» или «Московский комсомолец», а также на радиостанциях «Дождь» или «Эхо Москвы». Причем заинтересованный читатель сегодня всегда имеет возможность отследить развитие заинтересовавшего его события (групп, людей, развития городской инфраструктуры) при помощи интернет-сайтов соответствующих печатных изданий. Наконец, российская пресса обращает гораздо большее внимание на внутренние проблемы страны, чем российское телевидение.

Характерная деталь: хотя тиражи большинства газет сократились, интерес к их содержанию ничуть не уменьшился. Если я иду на работу или по другим делам после 8-ми утра, то многие издания всегда есть в рознице, кроме «Московского комсомольца». Но и эти печатные издания сфокусированы в основном на текущих проблемах общества и города.

Фундаментальные вопросы «переходного» периода, соотношения в нем технологической и гуманитарной составляющих в них обсуждаются не часто.

Двойственная роль социальных сетей

Роль этих СМИ резко отличается от первых двух средств медиа. Первое, социальные сети – не просто еще одно средство массовой информации, это *среда обитания массы жителей мегаполиса*. Второе, в современных условиях индивидуализма, обособления групп горожан по размеру материального достатка, принципу социальной принадлежности, социальное (социально-интегрирующее) значение человеческих сообществ в социальных сетях возрастает. Третье, в этих сетях можно не только пообщаться и «отвести душу», но и получить конкретную поддержку или помощь, которая нужна «здесь и сейчас», не дожидаясь, когда тебе ответит городская служба «Активного гражданина». Как я уже отмечал, время в условиях информационного общества приобретает ключевое значение. Четвертое, социальные сети и их формы (площадки, форумы) особо ценны в случае необходимости мобилизации людей и ресурсов в критических ситуациях. Конечно, и в таких ситуациях найдутся люди, которые захотят использовать такие случаи для собственного пиара, но это не снижает значения такой низовой мобилизации и само-мобилизации. В индивидуализированном обществе люди, особенно жители мегаполисов, сильно разобщены, и социальные сети помогают преодолеть этот социально-психологический барьер (Яницкий, 2013; Bauman, 2004).

Однако, как и всякий другой информационный инструмент, социальные сети имеют свою оборотную сторону. Первое, рыночно-ориентированные граждане стремятся превратить их в средство материального обогащения и повышения своего социального престижа. Тем самым в них вносится элемент рыночной конкуренции. Второе, как и всякий подобный инструмент, он может быть использован как оружие: для распространения ложной информации, дезориентации членов данного

виртуального сообщества и наконец – для хакерских атак. Третье, поэтому те, кто надеялся обрести в конкретной виртуальной аудитории взаимопонимание, поддержку и защиту, неожиданно оказываются в ней париями или изгоями. Четвертое, хакерские атаки на виртуальные сообщества разрушают «приватность» (privacy) как неотъемлемое качество социального бытия. Принцип «мой дом – моя крепость» перестает быть действенным.

Гражданское общество и его социально-экологические инициативы

В данном тексте я употребляю термин «экологические» не в естественнонаучном толковании, но как существенный признак системности, органичности субъектов гражданского общества. В современной ситуации этот агент (субъект) жизни мегаполиса трудно определить, потому что все социальные формы этого агента – индивиды, малые группы, низовые инициативы, социальные движения – так или иначе жестко «встроены» в гражданское и уголовное законодательство. То есть гражданская активность сильно зарегулирована, хотя по Конституции РФ все права населения гарантированы, но решающую роль здесь играют многочисленные временные и ad hoc правила и инструкции. В частности, существующий канал взаимодействия населения и городских властей, «Активный гражданин», односторонний: граждане могут только просить власть о чем-то, но никак не решать городские проблемы с нею совместно.

Время наивысшей гражданской активности городского населения (1989-91 гг.) прошло по нескольким причинам. Во-первых, рядовое население озабочено своими собственными проблемами. Хорошо знакомая социологам категория «свободное время» уже не соответствует рыночным реалиям. Во-вторых, в течение двух десятилетий 21 века государство создало множество лояльных ему гражданских организаций, обладающих, в частности, правом законодательной инициативы. В-третьих, общественные

слушания, это наиболее распространенная форма взаимодействия этих двух агентов, стали редкими и не имеют серьезных законодательных последствий. В-четвертых, в мегаполисах сложились сильные *этно-конфессиональные сообщества* (мигрантов, но не только), к мнению которых власть вынуждена прислушиваться. Все гражданские инициативы, возникающие вне пределов политической и социальной активности, санкционированной государством, вызывают у него подозрение и отторжение. Причем отторжение в виде легальных санкций (запреты, задержание и аресты активистов, объявление их «нежелательными агентами» и т.д.). Мирные протесты, самостоятельные сходы озабоченных граждан, их попытки самоорганизации пресекаются.

Дифференциация территориального и социального пространства мегаполиса

В российских мегаполисах всегда были более и менее комфортабельные и обустроенные жилые зоны. Даже начавшаяся в 1950-х гг. их массовая застройка пятиэтажными жилыми домами не изменила этого разделения. То есть рынок жилья существовал, но это был в основном «административный рынок». Однако с переходом к рынку *территория мегаполиса с каждым годом стала разделяться по имущественному принципу*. Появились обширные пригороды для богатых, застроенные частными домами и таунхаусами, в центральной части города появились «оазисы жизни» для богатых, в том числе в виде настоящих поместий, полностью изолированных от остальной городской среды.

Вот, например, «Английский квартал» в московском Замоскворечье или квартал «Life Кутузовский» и т.д. Все они создаются как автономные зоны (площадью не менее 4 га!) с полным обеспечением, включая все виды сервиса, отдыха, игровыми площадками для детей всех возрастов, медицинским обслуживанием, круглосуточной охраной и т.д. Но самое интересное, что эти поместья планируется создать не в ближайшем или отдаленном пригороде, а в самой центральной зоне столицы.

Одновременно идет последовательное переселение горожан со средним достатком в новые жилые кварталы на периферию мегаполисов, причем во многих случаях обещания девелоперов создать комплекс необходимых учреждений обслуживания и удобную связь с основными транспортными узлами остается на бумаге: дома есть, а сервиса первой необходимости нет. Так что план создания Большой Москвы провалился, а вот конфликты между столицей и отдаленной периферией, напротив, обострились, поскольку население малых городов страдает, прежде всего, от соседства с мусорными полигонами, обеззараживание которых или полная их ликвидация займет 10-12 лет.

Эта «рыночная» (имущественная) дифференциация городского пространства сказывается буквально во всем: власть имущие несутся по своим делам с «мигалками», народ перемещается на общественном транспорте. Первые живут здесь и там, где хотят (в РФ или за рубежом), вторые как привязанные к месту работы или жительства. Первые ездят, как хотят и где хотят, а вторые – только там, где им положено, иначе – штрафы и другие меры наказания. Законы и нормативы, как правило, пишутся и утверждаются первыми, тогда как вторые не имеют рычагов воздействия на формирование качества собственного места обитания и, в частности, на процессы законотворчества, их определяющие.

Первые – это, фактически, интернациональные люди, космополиты. С РФ их только связывают некоторые деловые отношения, которые выгодны им самим. Более того, жизнь богатых россиян за рубежом регулируется (и охраняется) нормами зарубежного, прежде всего, международного или английского или американского права. Жизнь массы бедных регулируется всесторонне, на государственном, региональном и местном уровнях.

То есть в жизни РФ они практически не участвуют, или участвуют только с выгодой для себя. О жизни первых двух категорий за рубежом мало что известно. Жизнь вторых жестко встроена в политэкономическую систему

РФ и целиком зависит от нее. Соответственно, СМИ представляет первых как «действующих лиц», тогда как вторых – как зрителей, наблюдающих за первыми.

Более того, сами пространства жизни первых и вторых различны. Первые свободны и мобильны, они свободны не только выбирать место жительства на свой вкус, но и обустраивать его по своему желанию. Вторые же несвободны и мало мобильны, поэтому они вынуждены подчиняться множеству законов и инструкций, генерируемых первыми и должны переселяться туда, куда направят их очередная «реновация». Так или иначе, спектр их выбора места жительства определяется размером их дохода (кармана). Первые сами строят темпо-ритмы своей жизни и карьеры, сообразуясь с темпо-ритмами международных или межгосударственных отношений, тогда как темпо-ритмы вторых целиком подчинены политическим или бизнес целям и интересам первых.

В современной ситуации в СМИ периодически обсуждается подноготная частной жизни тех и других, но опять же по-разному. Жизнь первых всегда на виду, они – лицо нашего общества, поэтому интерес к их частной жизни подогревается именно СМИ. Частная жизнь вторых – это обычно предмет журналистского расследования скандальных или криминальных случаев. В частности отношение к асоциальному поведению первых и вторых разное. О первых говорят и пишут больше как о преступниках (министры, губернаторы, бизнесмены, дилеры), то есть как о людях, наживших свое состояние не трудом, а махинациями, темными сделками, нечестной приватизацией общенародной собственности. А о рядовых гражданах – как о «лохах», инертных и т.п., но в то же время – как о недовольных, чего-то там всегда требующих или протестующих. То есть и роль первых и вторых в формировании «отрицательного» социального пространства освещается по-разному.

Различно и участие названных групп населения в формировании *социального*, в том числе *публичного пространства* мегаполиса. Жизнь первых надежно обеспечена и защищена их материальным положением, поэтому их труд – это креативный труд по умножению их состояния, сплошное удовольствие и исполнение любых прихотей, тогда как жизнь вторых – это суровые будни борьбы за выживание в конкурентной среде на рынке труда себе подобных. Карьера первых, фактически, уже определена заранее, тогда как мобильность вторых целиком зависит от колебаний рынка труда и социальной ситуации.

Первые властвуют и распоряжаются, накапливают капитал и стремятся его сохранить, поскольку они уверены в своем завтрашнем дне. Вторые совсем не уверены в нем, так как они зависят не только от колебаний рынка, но и от законов и норм РФ и от их интерпретации представителями местной бюрократии и теневой экономики. Первые – не только законодатели, но и *непременные участники публичной жизни страны*. Их образ жизни, доходы, связи – предмет постоянного интереса СМИ. Образ жизни вторых изучается и, тем более, публично обсуждается редко, главным образом в случаях массового недовольства и протестов.

Наконец, когда общество вовлекается в какой-то международный конфликт, то богатые стремятся, прежде всего, сохранить свои активы и социальный статус. То есть и в этом случае они сохраняют возможность к самоорганизации. Бедные же такой возможности не имеют, они вынуждены подчиниться возникшей мобилизационной или критической ситуации. В этих ситуациях богатые, как правило, имеют ресурсы, чтобы не только выжить, но и сохранить свой капитал, тогда как бедным остается только надеяться на самих себя.

Эта ситуация заставляет современный низший «рабочий класс» (*underclass*, по западной терминологии) искать дополнительные источники дохода. Они могут быть самыми разными, от поиска временного приработка,

поденной работы, работы по трудовому соглашению вплоть до нелегального труда (без какого-либо контракта и трудовой книжки), что позволяет предпринимателям самовольно устанавливать размер зарплаты и не платить никаких налогов в государственную казну. Соответственно, такие работники ущемляются во всех своих гражданских правах: им не начисляется стаж работы, не выплачивается пенсия, они не имеют права на оплаченный отпуск по болезни и другие социальные пособия и льготы. То есть они, по определению Баумана, «парии современного общества» (Bauman, 2008). Отсюда – стимул поиска заработка и защиты в теневых и криминальных структурах или просто превращение в членов преступных группировок.

Негласное разделение нашего общества на богатых и бедных фиксируется в методах массовых опросов общественного мнения и затем в СМИ. Массу рядовых граждан делят на крупные типы (когорты) по полу, возрасту и имущественному признакам, тогда как представители «высших слоев» нашего общества (бизнесмены, депутаты, представители разных уровней законодательной и исполнительной власти, военные, силовики, а также все виды криминальных элементов) не опрашиваются вообще. Получается, что массовый опрос – это опрос бюджетников и пенсионеров, но отнюдь не тех, кто определяет их достаток и жизнь.

Но в критические периоды развития общества разделение на богатых и бедных, на привилегированных и всех остальных становится гласным. Как только закон о повышении пенсионного возраста был опубликован, в его проекте четко названы группы граждан, которых этот закон не коснется. Это – военнотружущие, властные, силовые и административные структуры и другие категории, составляющие действительную основу существующего политического режима. Но даже во вполне гражданских учреждениях есть пенсии государственные, но есть и «корпоративные», в несколько раз превышающие первые.

Наконец, концентрация в мегаполисах населения, зданий, сооружений, инфраструктур тоже может дать критический эффект, так как суммарная нагрузка на каждый квадратный километр территории мегаполиса все увеличивается. Одновременно это пространство становится все более «перфорированным». Речь идет о линиях метро, множестве линий инфраструктур и коммуникаций, а также – о подземных стоянках, заключенных в трубы реках, карстовых пустотах и т.д. Выдержит ли эту нагрузку изъеденная пустотами городская «мантия», особенно в случае землетрясения – вопрос открытый. По крайней мере, история городов полна примерами таких «провалов».

Императив консолидации и интеграции

Российское общество стоит перед необходимостью перехода на новый способ производства и, соответственно, к новым формам воспроизводства социального и человеческого капитала. Это проблема, прежде всего, социокультурная, а не чисто технологическая. Многие российские ученые полагают, что это должен быть гуманистический поворот, основы которого были заложены П. Сорокиным, с его максимой интегрализма, и его российскими последователями. В противоположность западным идеям рационализма и прагматизма, они особое внимание уделяли гуманизации человеческих отношений, ставили во главу угла факторы духовности, социального счастья, взаимной помощи, гармоничного умственного и физического развития, исходили из самой возможности цивилизационного многообразия» (Кравченко, 2018: 5; Кравченко, 2012, 2015).

Однако сегодня императив гуманистического подхода приобретает более сложный характер. Если мегаполис и общество в целом есть СБТ-система, то принципы гуманизма должны быть сформулированы таким образом, чтобы они были применимы к ней как интегрированной сверхсложной системе. То есть ее разнокачественные элементы должны быть «сконструированы» таким образом, чтобы служить природе и людям

одновременно. Это, прежде всего, означает, что они не должны быть антагонистами, но, напротив, поддерживать друг друга. Конечно, это означает, что они тем самым будут изменять друг друга. Но изменять, именно сохраняя друг друга, не подавляя или уничтожая.

А что же будет в этом случае со сконструированными человеком материалами? Применим ли к ним императив гуманизации? Он не только в принципе применим, но уже используется на практике. Вот конкретный пример (Гомзяк и др., 2017). В целом задача ближайшего будущего человечества – превратить сконструированные человеком сложные системы таким образом, чтобы они работали как «редуценты», иными словами, чтобы они максимально перерабатывали отходы человеческой деятельности и возвращали ей результат в виде вещества, которое будет использоваться в ходе следующего метаболического цикла. Как утверждали российские биологи, «для восстановления биосферного круговорота человек должен взять рециклинг третичной продукции на себя» (Яблоков и др., 2018: 17).

Но это – общий принцип сохранения системы «человек-природа». Вот наиболее популярный пример. Конструкция Эйфелевой башни, созданная Г. Г. Эйфелем, основана на исследованиях швейцарского профессора анатомии Г. фон Мейера (Hermann Von Meyer), который за 40 лет до ее сооружения изучил строение головки бедренной кости человека. Есть и множество других примеров из новой отрасли знания, именуемой бионикой. Например, как свидетельствует эволюция человеческой системы познания-действия, другой путь, а именно – путь создания природоподобных веществ, то есть веществ с последующим изготовлением из них элементов, которые можно «вживлять» в живые организмы, не нарушая их функционирования. Иными словами, то, что происходило в течение многовековой эволюции биосферы сегодня уже возможно сделать в лабораторных условиях и в минимальные сроки. То есть в сроки, совместимые с продолжительностью течения человеческой жизни. Но это означает, что возможен и обратный ход –

разложения созданных человеком искусственных веществ, как, например, пластика, которыми сегодня загрязнен Мировой Океан. Речь, таким образом, идет не только об осмысленном подражании природе, но и заимствовании у нее многих принципов структурно-функциональной организации. Да, ведь, и само понятие социально-экологического метаболизма построено на углубленном изучении законов природы. Неслучайно поэтому природоподобные технологии именуют конвергентными технологиями.

Предстоящий период жизни нашего общества – это не просто «переход на цифру», это одновременная его трансформация по нескольким направлениям. Первое направление – это параллельное завершение процесса индустриализации и переход к постиндустриальному (информационному) обществу. Второе направление – это вхождение нашей страны в весьма непростой период процесса глобализации, обремененный жесткой борьбой на геополитической арене англо-саксонского и «восточного» миров. Здесь одним только обменом нефтепродуктов на новые технологии не обойдешься. Третье и, на мой взгляд, самое важное направление – это *гуманистическая ориентация стратегии переходного периода*. То есть стратегия, ориентированная, прежде всего, на интересы самого человека. И, как отмечается, «кооперация, возможности солидарного развития не менее, а может быть и более важны, чем возведенная в абсолют теория конкуренции» (Чернышов, 2018: 15). Важно не потерять свой и других исторический опыт, уметь сотрудничать даже со своими оппонентами, понимать, что мир человека не может быть сведен к какой-то одной модели его бытия, либеральной, социалистической или директивной.

Но это – лишь внешние условия предстоящих трансформаций. Внутренние вызовы не менее серьезны. Упомяну лишь те из них, которые были названы в майском указе Президента РФ. Первое, это рост ВВП и повышение благосостояния трудящихся. Второе, укрепление обороноспособности страны. Третье, это ускоренное (прорывное) развитие

науки, образовательной системы и новых технологий. Четвертое, это ускоренное развитие отечественной медицины, системы социальной помощи. Пятое, это также ускоренное развитие дорожно-транспортной сети и системы IT-коммуникаций. Для всего этого нужны материальные, научные и информационные ресурсы, кадры и система переобучения.

Но прежде всего эти стратегические цели должны быть превращены в конкретные задачи и задания. Но кому именно они должны быть адресованы? С моей точки зрения, должен быть разработан и обсужден в профессиональном сообществе сценарий этого превращения, его участники и адресаты.

Выводы

Современный мегаполис – важнейший элемент глобальной системы организации жизни всего человечества и его среды обитания. Политика сосредоточенной в мегаполисе власти-собственности ориентирована, прежде всего, вовне, на решение национальных, региональных и глобальных задач. В отношении населения и его организаций политика этого тандема двойственная. До недавнего времени население было важнейшим ресурсом его динамики. Однако с развитием IT-технологий население как ресурс стало быстро вытесняться «умными машинами» и другими достижениями IT-революции.

Чтобы сохранить свое место в системе международных отношений российское общество должно в исторически короткие сроки совершить двойной структурно-функциональный поворот: завершить индустриальную революцию и превратиться в технологически передовую страну. Однако пока названный тандем действует в другом направлении, углубляя ведомственные перегородки между социальными институтами и тем самым все более ограничивая социальную активность горожан, стремясь ввести ее в нужное для него русло. Власть-собственность мегаполиса создает максимальную свободу для действий своих агентов, соответственно ограничивая свободу

действий населения и его организаций. Взаимное недоверие между этими двумя группами агентов городской динамики нарастает.

Действительным вызовом является необходимость гуманитарно-осмысленного технологического «перехода». Его стратегической основой должна быть ведущая роль человека, его знаний, умений и инициативы, в социальном и технологическом развитии. Это означает, что такой «переход» должен начинаться снизу, от человека, малых групп и их творческой инициативы. Пока же гражданское общество мегаполиса фактически разделено на две категории разного политического веса: социально-сконструированное и самоорганизующееся. Гражданское общество второго типа – слабое и в формировании социальной и экологической политики мегаполисов оно участия не принимает. В этом процессе отчуждения массы рядовых граждан от обсуждения и решения проблем «переходного периода» роль главного инструмента социально-психологического воздействия на массу рядовых горожан принадлежит СМИ. Посредством ряда технологических приемов (разбиения потока текущих событий рекламой, срочными сообщениями и т.д.) СМИ усиливают у жителей мегаполиса ощущение *неопределенности и непредсказуемости городской жизни* и, тем самым, снижают потенциал социальной активности горожан в любых сферах, заменяя его эффектом их «диванного участия».

Чисто технологический подход, включая социальный, биотехнологический или градостроительный, к решению проблем «переходного периода» недостаточен. Вызовы современного этапа глобализации требуют комплексного, междисциплинарного подхода к разработке и реализации сценариев динамики современных мегаполисов. Но сценарный подход соответственно требует создания систем непрерывного наблюдения за их динамикой. Значит, агенты, формирующие эту СБТ-систему, будут вынуждены находить компромиссные решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гомзяк В., Демина В., Разуваева Е., Седуш Н., Чавлун С. 2017. Биоразлагаемые полимерные материалы для медицины: от импланта к органу // Тонкие химические технологии, Том 12: 5-20.
  2. Кравченко С.А. 2012. Гуманистический поворот: императив человеческой цивилизации. М.: «МГИМО-Университет». 209 с.
  3. Кравченко С.А. 2015. Социологическое знание через призму «стрелы времени»: Востребованность гуманистического поворота. М.: «МГИМО-Университет». 343 с.
  4. Чернышов А.Г. 2018. Стратегия и философия цифровизации. Власть, № 5: 13- 21.
  5. Яблоков А.В., Левченко В.Ф., Керженцев А.С. 2018. Очерки биосферологии. СПб: Свое издат-во. 150 с.
  6. Яницкий О.Н. 2013. Социальные движения: теория, практика, перспектива. М.: Новый хронограф.
  7. Arsenault A. and Castells M. 2008. Switching Power: Rupert Murdoch and the Global Business of Media Politics. *International Sociology* 23(4): 488-513.
  8. Bauman Z. 2004. *Wasted Lives. Modernity and its Outcasts*. Cambridge, UK: Polity Press. 140 pp.
  9. Bauman Z. 2017. *A Chronicle of Crisis: 2011-2016*. London, UK: Social Europe Edition. 163 p.
  10. Boudreau J.-A. and Davis D.E. 2017. Introduction: A processual approach to informalization. *Current Sociology*, Vol. 65, No 2, Monograph (1): 151-166.
  11. Fujigita K., ed., 2013. *Cities and Crisis. New Critical Urban Theory*. SAGE: Los Angeles, London, New Delhi, Singapore, Washington DC. 325 pp.
  12. Sassen S. 2000. Territory and Territoriality in the Global Economy, *International Sociology*, Vol. 15(2): 372-393.
  13. Willis G. 2017. Cities of clones: Facsimiles and governance in Sao Paulo, Brazil. *Current Sociology Monograph*, Vol. 65 (2): 235-247.
-

O.N. Yanitsky

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian academy of sciences, Moscow, Russia

RUSSIAN MEGALOPOLIS: PROCESSES OF DIVERGENCE, MUTUAL ISOLATION AND INTEGRATION OF ITS AGENTS

Drawing on the analysis of Russian media-content and my own long-term field researchers (1970-2010) the article analyzes the processes of divergence, mutual isolation and integration of agents of such contradictory transformations of Russian megalopolises. The major agents of these transformations are power structures, business, media, civil organizations and urban residents as such that pursue their particular interests. For the powers the megalopolises are the nests of their existence, for business they are an environment of their residence and gaining profit, for the media – an object for manipulation and propaganda of consumer way of life. Ordinary residents have very little means for making their life more comfortable, safe and ecologically-sound. As a result of activity and domination of power-business tandem an urban

space is divided into isolated zones by the criterion of power and influence. The powers, business and the rich activity is concentrated in central, historically most valuable areas of megalopolises while an ordinary people and migrants are resettled to urban periphery. Nevertheless, their mutual interdependence in the frames of a restricted urban area allows me to consider any megalopolis as contradictory but highly-integrated sociobiotechnical system (hereafter the SBT-system). This integration is implemented by various metabolic processes irrespectively to the wills of the above agents. Therefore, nowadays the grassroots and other bottom-up initiatives are the only agents aimed at making the megalopolis more comfortable, safe and ecologically-sound for all.

Key words: globalization, humanistic turn, isolation, integration, media, megalopolis, tempo-rhythms, Russia.

Поступила в редакцию 2 июля 2018